Именем
Российской Федерации

П О С Т А Н О В Л Е Н И Е
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в связи с жалобой гражданина А.И.Сушкова

город Санкт-Петербург 26 октября 2017 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

с участием полномочного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации Т.В.Касаевой, полномочного представителя Совета Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации А.А.Клишаса,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности пункта 5 статьи 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина А.И.Сушкова. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Ю.Д.Рудкина, объяснения представителей стороны, издавшей оспариваемый акт, выступления приглашенных в заседание полномочного представителя Правительства Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.Ю.Барщевского, а также представителей: от Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации – М.Н.Харламова, от Министерства юстиции Российской Федерации – М.А.Мельниковой, от Генерального прокурора Российской Федерации – Т.А.Васильевой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. В соответствии с пунктом 5 статьи 2 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», раскрывающей содержание используемых в данном Федеральном законе понятий, обладателем информации является лицо, самостоятельно создавшее информацию либо получившее на основании закона или договора право разрешать или ограничивать доступ к информации, определяемой по каким-либо признакам.

Оспаривающий конституционность названного законоположения гражданин А.И.Сушков 3 февраля 2014 года был принят на работу в ЗАО «Стройтрансгаз» на должность заместителя начальника департамента по договорно-правовой работе, а 4 июля 2014 года в соответствии с дополнительным соглашением к трудовому договору был переведен на должность директора того же департамента. При заключении трудового договора, обязывающего работника не разглашать сведения, составляющие

конфиденциальную информацию, в том числе коммерческую тайну работодателя, сторонних предприятий и организаций, которые будут доверены работнику или станут ему известны в ходе трудовой деятельности, а также соблюдать порядок работы с такой информацией, А.И.Сушков был ознакомлен с Положением об обеспечении режима конфиденциальности информации, являющегося неотъемлемой частью трудового договора и обязательного для исполнения. Обязанность обеспечивать соблюдение режима конфиденциальности и коммерческой тайны, а также ответственность за неправомерное использование или разглашение сведений, составляющих конфиденциальную информацию, в том числе коммерческую тайну работодателя, предусматривается также должностной инструкцией директора департамента по договорно-правовой работе, с которой А.И.Сушков был ознакомлен 30 марта 2015 года. Кроме того, он был ознакомлен с Положением о защите персональных данных работников и Политикой информационной безопасности работодателя, в соответствии с которой информационные ресурсы организации, включая доступ в сеть «Интернет» и электронную почту, предназначены исключительно для выполнения работниками производственной деятельности, а деловая и служебная переписка, в частности взаимодействие с контрагентами, по электронной почте должна осуществляться только с использованием корпоративных почтовых адресов.

13 января 2016 года департаментом корпоративной защиты ЗАО «Стройтрансгаз» были получены данные о несанкционированной передаче информации ограниченного доступа с рабочего стационарного компьютера директора департамента по договорно-правовой работе на его личный адрес электронной почты. Как было установлено в ходе проведенной по этому факту служебной проверки, А.И.Сушков систематически направлял с корпоративного адреса электронной почты на свой адрес электронной почты служебные и локальные нормативные документы, относящиеся к служебной (конфиденциальной) информации, а также персональные данные

сотрудников, пересылка которых была расценена работодателем как разглашение охраняемой законом тайны. 1 февраля 2016 года А.И.Сушков был уволен на основании подпункта «в» пункта 6 части первой статьи 81 Трудового кодекса Российской Федерации, предусматривающего возможность расторжения трудового договора работодателем в случае однократного грубого нарушения работником трудовых обязанностей, выразившегося в разглашении им охраняемой законом тайны (государственной, коммерческой, служебной и иной), ставшей ему известной в связи с исполнением им трудовых обязанностей, в том числе разглашения персональных данных другого работника.

Савеловский районный суд города Москвы, куда А.И.Сушков, полагавший, что передачу им информации с корпоративного адреса электронной почты на личный адрес электронной почты нельзя рассматривать в качестве разглашения охраняемой законом тайны, обратился с требованиями о признании увольнения незаконным, отмене приказа об увольнении, восстановлении на работе, взыскании заработной платы за время вынужденного прогула, взыскании денежной компенсации морального вреда и судебных расходов, в удовлетворении указанных требований отказал решением от 8 апреля 2016 года, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 16 июня 2016 года. Суды не согласились с доводами истца и расценили как разглашение конфиденциальной информации то обстоятельство, что он осуществлял пересылку электронных писем, содержащих персональные данные своих коллег по работе, через почтовый сервер, входящий в состав информационно-телекоммуникационной сети, которой владеет ООО «Мэйл.ру». В обоснование данного вывода суды сослались на регламентирующее оказание обществом услуг электронной почты пользовательское соглашение, по условиям которого оно вправе как ограничить, так и разрешить доступ к информации, содержащейся в электронных почтовых ящиках пользователей, что – в силу пункта 5 статьи 2

Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» – позволяет признать общество обладателем конфиденциальной информации, размещенной истцом на внешнем электронном адресе, и, соответственно, свидетельствует о разглашении им коммерческой информации третьему лицу. Кассационным определением судьи Московского городского суда от 20 октября 2016 года отказано в передаче кассационной жалобы А.И.Сушкова на указанные судебные постановления для рассмотрения в судебном заседании президиума Московского городского суда. В передаче его кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации также отказано определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 12 января 2017 года.

Нарушение оспариваемым законоположением своих прав, гарантированных статьями 19 (часть 1), 23 (часть 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, заявитель усматривает в том, что это законоположение – по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой, – предоставляет лицу, оказывающему услуги электронной почты, право разрешать или ограничивать доступ к информации, содержащейся в получаемых или отправляемых абонентами электронных сообщениях, что, в свою очередь, влечет привлечение работника, воспользовавшегося услугами этого лица, к дисциплинарной ответственности за разглашение охраняемой законом тайны.

Таким образом, с учетом требований статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» пункт 5 статьи 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку данное законоположение понимается в правоприменительной практике как позволяющее считать лицо, оказывающее услуги электронной почты, обладателем информации, которая

содержится в электронных сообщениях, получаемых или отправляемых пользователями этих услуг через принадлежащий данному лицу интернет-сервис, что служит основанием для оценки действий гражданина, осуществившего передачу информации с адреса электронной почты, контролируемой лицом, которому на законных основаниях принадлежит данная информация, на свой (личный) адрес электронной почты, как нарушение им установленного правовыми (в том числе локальными) актами и (или) договорами запрета на такую передачу и, соответственно, для определения правовых последствий этих действий.

2. Согласно статье 29 (часть 4) Конституции Российской Федерации каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Вместе с тем реализация данного конституционного права – в силу закрепленного Конституцией Российской Федерации, ее статьей 17 (часть 3), принципа недопустимости при осуществлении прав и свобод человека и гражданина нарушения прав и свобод других лиц как основополагающего условия соблюдения баланса общественных и частных интересов – предполагает следование другим положениям Конституции Российской Федерации, в том числе гарантирующим каждому в целях охраны достоинства личности право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (статья 23, часть 1), право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (статья 23, часть 2), запрещающим сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия (статья 24, часть 1), а также предусматривающим, что перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом (статья 29, часть 4) и что интеллектуальная собственность охраняется законом (статья 44, часть 1).

Провозглашая право каждого на свободное выражение своего мнения, включая свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию, идеи независимо от государственных границ, устно,

письменно, посредством печати или иными способами по своему выбору, Международный пакт о гражданских и политических правах также исходит из того, что пользование этими правами налагает особые обязанности и особую ответственность и что их ограничения устанавливает закон в целях уважения прав и репутации других лиц, охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения (пункты 2 и 3 статьи 19). Аналогичные положения содержатся в статье 10 «Свобода выражения мнения» Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Приведенные конституционные и международно-правовые предписания в полной мере относятся к любой информации – независимо от места и способа ее производства, передачи и распространения, включая сведения, размещаемые (передаваемые, распространяемые) в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Следовательно, осуществляя на основании статьи 71 (пункты «в», «и») Конституции Российской Федерации, согласно которой регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина, а также информация и связь составляют ведение Российской Федерации, соответствующее правовое регулирование, федеральный законодатель обязан обеспечить – с учетом современного уровня развития средств и способов обращения такого специфического нематериального объекта, как информация, – баланс прав и законных интересов, а также определенность правового положения участников правоотношений, объектом которых она выступает, и правоотношений, связанных с ее поиском, получением, передачей, производством и распространением. При этом он должен исходить из требований Конституции Российской Федерации, в силу которых осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (статья 17, часть 3), все равны перед законом и судом, государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина без какой-либо дискриминации (статья 19, части 1 и 2), права и свободы человека и

гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (статья 55, часть 3).

Применительно к отношениям, связанным с реализацией права каждого на тайну телефонных переговоров (статья 23, часть 2, Конституции Российской Федерации), Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал правовую позицию, согласно которой данное право по своему конституционно-правовому смыслу предполагает комплекс действий по защите информации, получаемой по каналам телефонной связи, независимо от времени поступления, степени полноты и содержания сведений, фиксируемых на отдельных этапах ее осуществления; соответственно, информацией, составляющей охраняемую Конституцией Российской Федерации и действующими на территории Российской Федерации законами тайну телефонных переговоров, считаются любые сведения, передаваемые, сохраняемые и устанавливаемые с помощью телефонной аппаратуры, включая данные о входящих и исходящих сигналах соединения телефонных аппаратов конкретных пользователей связи; для доступа к указанным сведениям необходимо получение судебного решения (определения от 2 октября 2003 года № 345-О и от 21 октября 2008 года № 528-О-О).

Приведенная правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, будучи основана на положениях статьи 23 (часть 2) Конституции Российской Федерации, определяющих правовые стандарты передачи любых сообщений – независимо от того, какими средствами осуществляется такая передача, – имеет общее значение и распространяется на правовое регулирование отношений, связанных с реализацией как права на тайну телефонных переговоров, так и права на тайну переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений, которое закреплено этими конституционными положениями, допускающими возможность его

ограничения только на основании судебного решения, и обеспечивается Конституцией Российской Федерации и нормами международного права, являющимися в силу ее статьи 15 (часть 4) составной частью правовой системы Российской Федерации.

3. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» является базовым законом, устанавливающим правовые основы осуществления права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации, применения информационных технологий, обеспечения защиты информации (часть 1 статьи 1). Его статья 2 определяет информацию как сведения (сообщения, данные) независимо от формы их предоставления (пункт 1), доступ к информации – как возможность получения информации и ее использования (пункт 6), конфиденциальность информации – как обязательное для выполнения лицом, получившим доступ к определенной информации, требование не передавать такую информацию третьим лицам без согласия ее обладателя (пункт 7), предоставление информации – как действия, направленные на получение информации определенным кругом лиц или передачу информации определенному кругу лиц (пункт 8), а распространение информации – как действия, направленные на получение информации неопределенным кругом лиц или передачу информации неопределенному кругу лиц (пункт 9).

Правовой статус обладателя информации, т.е., согласно той же статье, лица, самостоятельно создавшего информацию либо получившего на основании закона или договора право разрешать или ограничивать доступ к информации, определяемой по каким-либо признакам (пункт 5), регулируется в статье 6 данного Федерального закона, в силу которой обладателем информации может быть гражданин (физическое лицо), юридическое лицо, Российская Федерация, субъект Российской Федерации, муниципальное образование (часть 1); обладатель информации, если иное не предусмотрено федеральными законами, вправе разрешать или ограничивать доступ к информации, определять порядок и условия такого доступа,

использовать информацию, в том числе распространять ее, по своему усмотрению, передавать информацию другим лицам по договору или на ином установленном законом основании, защищать установленными законом способами свои права в случае незаконного получения информации или ее незаконного использования иными лицами, осуществлять иные действия с информацией или разрешать осуществление таких действий (часть 3); обладатель информации при осуществлении своих прав обязан соблюдать права и законные интересы иных лиц, принимать меры по защите информации, ограничивать доступ к информации, если такая обязанность установлена федеральными законами (часть 4).

Цель, которую преследовал федеральный законодатель, вводя понятие «обладатель информации», заключается, таким образом, в описании – по аналогии с гражданско-правовыми категориями «собственник», «титульный владелец», но с учетом особенностей информации как нематериального объекта – правового статуса лица, правомочного в отношении конкретной информации решать вопрос о ее получении другими лицами и о способах ее использования как им самим, так и другими лицами. Как следует из приведенных законоположений, вопрос о том, становится ли конкретное лицо обладателем определенной информации, т.е. приобретает ли оно применительно к этой информации права и обязанности, вытекающие из правового статуса обладателя информации, должен решаться исходя из существа правоотношений, связанных с ее получением, передачей, производством и распространением. При этом само по себе наличие у конкретного лица доступа к информации не означает, что данное лицо становится ее обладателем по смыслу Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», т.е. что оно вправе совершать в отношении этой информации действия, являющиеся прерогативой обладателя информации.

4. Оказание правообладателем коммуникационного интернет-сервиса, посредством которого осуществляется отправка и получение электронных

сообщений, соответствующих услуг состоит не в предоставлении доступа к сети связи (каковой выступает сеть «Интернет», доступ к которой предоставляет интернет-провайдер), а в предоставлении возможности использования программного обеспечения, с помощью которого осуществляется передача сообщений по электронной почте. Поскольку же правовой статус правообладателя такого интернет-сервиса действующим федеральным законодательством специально не урегулирован (хотя по своему полезному для пользователей эффекту его услуги и аналогичны услугам связи), возникает неопределенность относительно того, распространяется ли на него буквально обязанность оператора связи обеспечить соблюдение тайны связи, установленная Федеральным законом от 7 июля 2003 года № 126-ФЗ «О связи» (пункт 2 статьи 63).

Между тем – исходя из того, что статья 23 (часть 2) Конституции Российской Федерации, закрепляющая право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, является в силу ее статьи 15 (части 1 и 2) нормой прямого действия, обязательной для соблюдения всеми субъектами права, – отсутствие в федеральном законодательстве прямого указания на обязанность именно правообладателя интернет-сервиса, посредством которого осуществляется отправка и получение электронных сообщений, обеспечивать тайну связи не может рассматриваться как свидетельство отсутствия у него такой обязанности. Не ставятся под сомнение конституционные гарантии тайны направляемых по электронной почте сообщений и содержанием заключаемого правообладателем интернет-сервиса и абонентами пользовательского соглашения, предполагающего наличие дифференцированных правил, регулирующих отношения, объектом которых выступают в одних случаях информационные данные, создаваемые и публикуемые пользователями, т.е. размещаемые в режиме открытого доступа для ознакомления с ними неопределенного круга лиц, и в других случаях – сведения, не предназначенные для размещения в открытом доступе. И в тех и

в других случаях условия пользовательского соглашения не могут трактоваться как предоставляющие правообладателю интернет-сервиса право самостоятельно – и тем самым в нарушение статьи 23 (часть 2) Конституции Российской Федерации – разрешать или ограничивать доступ к информации, содержащейся в передаваемых с его помощью электронных сообщениях.

Не свидетельствуют о возникновении у правообладателя интернет-сервиса, с помощью которого происходит отправка и получение электронных сообщений, такого права, а следовательно, и статуса обладателя содержащейся в них информации и положения статьи 10^1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», согласно которым лицо, осуществляющее деятельность по обеспечению функционирования информационных систем и (или) программ для электронных вычислительных машин, предназначенных и (или) используемых для приема, передачи, доставки и (или) обработки электронных сообщений пользователей сети «Интернет» (что охватывает и функции правообладателя интернет-сервиса), признается организатором распространения информации в сети «Интернет»; в его обязанности входит уведомление в установленном Правительством Российской Федерации порядке федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи, о начале осуществления указанной деятельности, хранение на территории Российской Федерации информации о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков, видео- или иных электронных сообщений пользователей сети «Интернет» и информации об этих пользователях в течение одного года с момента окончания осуществления таких действий, а текстовых сообщений пользователей сети «Интернет», голосовой информации, изображений, звуков, видео-, иных электронных сообщений пользователей сети «Интернет» – до шести месяцев с момента окончания их приема, передачи,

доставки и (или) обработки и предоставление этой информации уполномоченным государственным органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации, в случаях, установленных федеральными законами. При этом обязанность хранить информацию не предполагает право разрешать или ограничивать доступ к этой информации, принадлежащее ее обладателю: основания и порядок предоставления такой информации определяются федеральными законами, а ее получателем от организатора распространения информации в сети «Интернет» может быть только уполномоченный орган.

Таким образом, пункт 5 статьи 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования не может рассматриваться как предоставляющий правообладателю интернет-сервиса, посредством которого осуществляются передача электронных сообщений и хранение информации, право на доступ к информации, содержащейся в получаемых или отправляемых пользователями электронных сообщениях, и, соответственно, как позволяющий говорить о наличии у него статуса обладателя информации.

Этим не исключается право федерального законодателя уточнить правовой статус правообладателя интернет-сервиса, с помощью которого осуществляются передача электронных сообщений и хранение информации, и более детально регламентировать его отношения с пользователями предоставляемых им услуг, тем более имея в виду утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 года № 203 Стратегию развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, которая исходит из необходимости совершенствования нормативно-правового регулирования в сфере обеспечения безопасной обработки информации (включая ее поиск, сбор, анализ, использование, сохранение и распространение) и применения новых технологий, уровень которого должен соответствовать развитию этих технологий и интересам общества;

обеспечения баланса между своевременным внедрением современных технологий обработки данных и защитой прав граждан, включая право на личную и семейную тайну (пункт 31).

5. То обстоятельство, что при отправке информации гражданином – в нарушение установленного правовыми (в том числе локальными) актами и (или) договорами запрета – с адреса электронной почты, контролируемой лицом, которому на законных основаниях принадлежит эта информация, на свой (личный) адрес электронной почты правообладатель интернет-сервиса, с помощью которого осуществляются передача электронных сообщений и хранение информации, не приобретает статус обладателя информации, не означает, что лицо, которому принадлежит информация и которое допустило к ней этого гражданина, не претерпевает неблагоприятные последствия его действий с точки зрения полноты своего статуса обладателя информации.

Отправка гражданином на свой (личный) адрес электронной почты не принадлежащей ему информации создает условия для ее дальнейшего неконтролируемого распространения. Фактически, совершив такие действия, гражданин получает возможность разрешать или ограничивать доступ к отправленной им информации, не получив соответствующего права на основании закона или договора, а сам обладатель информации, допустивший к ней гражданина без намерения предоставить ему эту возможность, уже не может в полной мере определять условия и порядок доступа к ней в дальнейшем, т.е. осуществлять прерогативы обладателя информации.

Правовые последствия такой ситуации различаются в зависимости от степени разумности и осмотрительности самого обладателя информации. Если, предоставляя доступ к информации, он безразлично относился к ее дальнейшей правовой судьбе, в том числе не принимал мер к предотвращению ее выхода из-под своего контроля, то нет оснований рассматривать саму по себе отправку гражданином информации с адреса электронной почты, контролируемой обладателем информации, на свой (личный) адрес электронной почты в качестве обстоятельства, меняющего

правоотношения по поводу этой информации. Если же обладатель информации принял – либо в силу нормативных предписаний, обязывающих его соблюдать конфиденциальность этой информации и осуществлять конкретные мероприятия по ее защите, либо в рамках своих прерогатив как ее обладателя – все необходимые меры против несанкционированного доступа к соответствующей информации третьих лиц, включая прямой запрет на ее отправку на личный адрес электронной почты допускаемого к ней лица (о чем это лицо было поставлено в известность), т.е. действовал разумно и осмотрительно, то отправка гражданином информации на свой (личный) адрес электронной почты, как явно совершенная вопреки предпринятым обладателем информации разумным мерам, может рассматриваться в качестве нарушения – в смысле законодательства об информации, информационных технологиях и о защите информации – его прав и законных интересов именно этим действием, безотносительно к тому, имело ли место разглашение (распространение) данной информации третьему лицу (третьим лицам).

Федеральный закон от 29 июля 2004 года № 98-ФЗ «О коммерческой тайне», определяя статус обладателя информации, составляющей коммерческую тайну, и закрепляя ряд его прав, связывает их возникновение с моментом установления им в отношении этой информации режима коммерческой тайны, предусматривающего принятие мер по охране ее конфиденциальности, включая определение перечня информации, составляющей коммерческую тайну, ограничение доступа к такой информации путем установления порядка обращения с ней и контроля за соблюдением установленного порядка, учет лиц, получивших доступ к информации, составляющей коммерческую тайну, и (или) лиц, которым такая информация была предоставлена или передана, регулирование отношений по использованию информации, составляющей коммерческую тайну, работниками на основании трудовых договоров и контрагентами на основании гражданско-правовых договоров, нанесение на материальные

носители, содержащие информацию, составляющую коммерческую тайну, или включение в состав реквизитов документов, содержащих такую информацию, грифа «Коммерческая тайна» с указанием обладателя такой информации (часть 1 статьи 6^1, части 1 и 2 статьи 10).

Наряду с указанными мерами обладатель информации, составляющей коммерческую тайну, вправе применять при необходимости средства и методы технической защиты ее конфиденциальности, другие не противоречащие законодательству Российской Федерации меры, притом что такие меры признаются разумно достаточными, если ими исключается доступ к информации, составляющей коммерческую тайну, любых лиц без согласия ее обладателя и обеспечивается возможность ее использования работниками и передачи ее контрагентам без нарушения режима коммерческой тайны (части 4 и 5 статьи 10 Федерального закона «О коммерческой тайне»). Показательно, что Европейский Суд по правам человека не усмотрел нарушения статьи 8 «Право на уважение частной и семейной жизни» Конвенции о защите прав человека и основных свобод в случае, когда работодатель осуществил доступ к отправленным с рабочего адреса электронной почты сообщениям работника, сделанным им с учетной записи в мессенджере, созданной по просьбе работодателя и необходимой для осуществления трудовых обязанностей. Данные обстоятельства, по мнению Европейского Суда по правам человека, позволили работодателю предполагать, что эти сообщения относятся к профессиональной деятельности работника, притом что сам работник не имел разумных ожиданий относительно неприкосновенности частной жизни применительно к переписке личного характера, производимой с указанной учетной записи (постановления от 3 апреля 2007 года по делу «Коплэнд (*Copland*) против Соединенного Королевства», от 12 января 2016 года по делу «Бэрбулеску (*Barbulescu*) против Румынии» и др.).

Что касается юридической ответственности за направление информации гражданином, получившим к ней доступ, на свой (личный) адрес электронной

почты, не находящейся под контролем обладателя информации (притом что им предприняты разумные меры по охране ее конфиденциальности, включая издание необходимых локальных актов и заключение с их учетом договоров), то она устанавливается соответствующими законодательными актами (в частности, применительно к дисциплинарной ответственности – актами трудового законодательства и законодательства о государственной и муниципальной службе). При этом, по смыслу правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, юридическая ответственность может наступать только за те деяния, которые законом, действующим на момент их совершения, признаются правонарушениями; использование различных видов юридической ответственности должно согласовываться с конституционными принципами демократического правового государства, включая требование справедливости, в его взаимоотношениях с физическими и юридическими лицами как субъектами ответственности; общепризнанным принципом привлечения к ответственности во всех отраслях права является наличие вины – либо доказанной, либо презюмируемой, но опровержимой – как элемента субъективной стороны состава правонарушения, а всякое исключение из него должно быть выражено прямо и недвусмысленно, т.е. предусмотрено непосредственно в законе (постановления от 25 января 2001 года № 1-П, от 17 июля 2002 года № 13-П, от 18 мая 2012 года № 12-П, от 10 февраля 2017 года № 2-П и др.). Соответственно, федеральный законодатель, адекватно реагируя на состояние общественных отношений в сфере защиты информации, в том числе учитывая потребности развития информационного общества, должен принимать надлежащие меры по совершенствованию регулирования юридической ответственности за нарушение прав и законных интересов обладателя информации.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 87 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать пункт 5 статьи 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», определяющий обладателя информации как лицо, самостоятельно создавшее информацию либо получившее на основании закона или договора право разрешать или ограничивать доступ к информации, определяемой по каким-либо признакам, не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку данное законоположение по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования:

не может рассматриваться как наделяющее правообладателя интернет-сервиса, с помощью которого осуществляются передача электронных сообщений и хранение информации, статусом обладателя информации в отношении сведений, содержащихся в сообщениях, получаемых или отправляемых пользователями по электронной почте, или в отношении информации, которую пользователи хранят с помощью данного интернет-сервиса;

позволяет рассматривать как нарушение прав и законных интересов обладателя информации действия гражданина, осуществившего – вопреки установленному правовыми, в том числе локальными, актами (с которыми гражданин был ознакомлен) и (или) договорами запрету – передачу информации с адреса электронной почты, контролируемой обладателем информации, на свой (личный) адрес электронной почты, если обладатель информации принял все необходимые меры, исключающие несанкционированный доступ к этой информации третьих лиц.

2. Правоприменительные решения по делу гражданина Сушкова Александра Ивановича подлежат пересмотру с учетом выявленного в настоящем Постановлении конституционно-правового смысла пункта 5 статьи 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует

непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (*www.pravo.gov.ru*). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 25-П